

Проклятый дом

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Сна не было ни в одном глазу. Да и какой тут сон, когда кругом такой ужас происходит? Игорь Сергеевич покосился на лежавшую рядом жену. К счастью, у Светы крепкий сон, ей весь этот творящийся в доме ужас не мешает. Нет, мешает, конечно, но не так сильно, как ему. Вот, спит, дышит ровно. А он, как только станет засыпать, сразу начинает прислушиваться. И ему чудится, что кто-то поднимается по лестнице. Или кажется, что на первом этаже, на кухне, кто-то ходит, гремит посудой. В час ночи! И это притом, что прислуга не ночует в доме и, кроме членов семьи, тут никого нет.

Да, вот опять почудились шаги. Игорь Сергеевич осторожно встал, стараясь не разбудить жену, всунул ноги в домашние тапочки и направился к двери спальни. Постоял возле нее, прислушиваясь, а затем резко распахнул дверь и выглянул.

Никого. Как и в прошлые разы — абсолютно никого и ничего. И в коридоре никого, и на лестнице ничего подозрительного не видно. И хорошо, что ничего не видно. А то случилось бы, как позавчера, когда он обнаружил на лестнице, на самом верху, окровавленную сорочку Светланы, а ниже — платье дочери Наташи, тоже испачканное в крови. Да, не хотелось бы снова такое увидеть.

Игорь Сергеевич еще раз оглядел ту часть дома, которая была видна с площадки второго этажа, и вернулся в спальню. Постоял немного, глядя на спящую жену. В сердце нарастала боль. Нехороший, опасный симптом! Вот и доктор, милейший Олег Данилович, рекомендует ехать в Москву, лечь в клини-

ку. Да, можно уехать, можно полечиться. Там, в клинике, ему помогут, как уже помогли три года назад, после инфаркта. Но как же Света? Она останется одна с двумя маленькими детьми, одна наедине с этим ужасом! Что с ней будет? Нет, так не годится. Правда, Света говорила, что хочет пригласить в гости своего старшего брата Бориса с женой — пусть погостят, дескать, с ними будет спокойней. Может быть, и будет, а может, и нет. Ведь надо смотреть правде в глаза: у них в доме поселилась нечистая сила. А может, полтергейст, или зомби, или еще какая-нибудь нечисть. А нечисть, насколько ему известно, не признает родственных связей и не боится старших братьев с женами. Что же в таком случае делать? Бросать дом, уезжать всем?

При одной мысли о таком варианте развития событий в душе Игоря Сергеевича поднялась горячая волна возмущения. Ну нет, свой дом он не бросит! Сколько сил в него вложено, сколько денег! Не зря его дом называют самым роскошным во всей области. Это ведь не дом, а настоящий дворец. Почти пятьсот квадратных метров, две гостиные, двенадцать спален, два кабинета... Да многое придется перечислять. Рыночная цена этого дома приближается к тремстам миллионам — целое состояние! А ведь если они уедут, отступят перед происками сатаны, ценность дома сразу резко упадет. Кто его купит, с такой-то репутацией? И вообще, он, Игорь Кириллов, вовсе не собирается продавать свой особняк. Он им вполне доволен.

Размышляя таким образом, Игорь Сергеевич продолжал стоять возле двери спальни. И вдруг он явственно расслышал, как внизу, в холле, открылась, а затем закрылась входная дверь. Этого не могло быть: ведь он хорошо помнил, как сам закрывал дверь на ночь на два замка и еще на засов. Посторонних в доме нет, вся семья спит здесь, на втором этаже. Кто же в таком случае мог открыть входную дверь?

Игорь Сергеевич снова вышел на площадку второго этажа. Подошел к лестнице, глянул вниз. Холл отсюда хорошо просматривался, и входная дверь выглядела закрытой. Но все же лучше проверить. Кириллов спустился в холл, подошел к двери, повернул ручку... И она послушно открылась, впус-

струю холодного осеннего воздуха. Дверь была открыта — открыта неизвестно кем, неизвестно как.

И вновь ледяная игла уколола в сердце, уколола и продолжала там ворочаться. Держась за сердце, постанывая, Игорь Сергеевич снова задвинул засов, набросил еще и дверную цепочку. Надо было бы запереть и оба замка, но он вдруг начисто забыл, где у него лежат ключи от двери, да и сил не было их искать. Он с трудом доплелся до ближайшего дивана и рухнул на него.

Некоторое время сидел так, ни о чем не думая, ничего не вспоминая. Потом услышал, как большие часы в гостиной пробили два раза. Два часа ночи! А он еще не спал ни одной минуты. Как же он завтра, то есть уже сегодня днем, сможет заниматься делами? Как будет вникать в детали заключаемых сделок? Как подписывать счета и договоры? Нет, надо признать, что управляющий из него сегодня — как из черепахи бегун. «Что-то с этим нужно делать! — подумал Игорь Сергеевич. — Так это все оставить нельзя. Надо найти человека, который сможет помочь. Человека здравомыслящего, опытного, человека, который не побоится вступить в схватку с нечистой силой. Но где же я найду такого человека?» И вдруг в его сознании всплыло одно имя из давних времен, времен школьной юности. Имя того самого человека, который был ему нужен в эту трудную минуту.

Игорь Сергеевич сразу понял, что ему пришло на ум единственно верное решение. Эта мысль так его воодушевила, что даже сердце перестало болеть. Надо немедленно написать письмо Гурову.

Он встал и довольно энергично направился к лестнице. Поднявшись на второй этаж, прошел мимо спальни и направился в свой кабинет. Включил свет, затем включил компьютер. Пару лет назад они с Левой Гуровым перезванивались, и тот сообщил ему адрес своей электронной почты. Где же он его записал...

На поиски ушло несколько минут, но в итоге Кириллов все же отыскал адрес. Теперь можно было писать само письмо. Игорь Сергеевич открыл нужное окно, написал сверху обращение: «Привет, Лев!» — и задумался. Как же правильно составить

это письмо, чтобы старый друг не подумал, что Игорь Кириллов повредился рассудком? Ведь вещи, о которых он хочет сообщить, носят настолько странный, неопределенный характер...

Нужные слова никак не находились. Игорь Сергеевич пробовал начать письмо и так, и эдак, и все ему не нравилось. Он написал, а затем стер уже пять вариантов, и в итоге возникла мысль: а не отказаться ли вообще от этой идеи — звать на помощь Льва Гурова? Может, можно и так обойтись? Может, все эти непонятные явления прекратятся сами собой?

Но тут Игорь Сергеевич явственно услышал, как у него за спиной кто-то пробежал. Тут же, в кабинете, рядом с книжными шкафами раздался, а потом стих дробный, мелкий топоток. Кириллов стремительно обернулся, ожидая увидеть кого угодно: черта с рогами, покойника, все равно кого, и — никого не увидел. Кабинет был пуст, как и полчаса назад, когда он в него вошел. Выходит, ему опять послышалось? Почудилось? А открытая входная дверь — она тоже почудилась?

Кириллов вернулся к столу, сел перед компьютером... И тут его взгляд упал на листок бумаги, которого — он готов за это поручиться! — еще пять минут назад здесь не было. Листок лежал на самом видном месте, рядом с клавиатурой. На белой бумаге чем-то красным было крупно написано:

«Смерть освобождает от страданий».

От последней буквы «й» вниз уходила косая красная линия, словно река стекала. Чувствуя, как вновь леденеет, сдавливает сердце, как выступает на теле холодный пот, Игорь Сергеевич смотрел на это послание, адресованное явно ему (а кому еще?), и чувствовал, как подкатывает к горлу дурнота. И тогда само собой созрело решение. Он пошевелил «мышкой», заставив уснувший экран ожить, и начал поспешно писать: «Лев, я прошу тебя о помощи. Мне некого больше просить, не к кому обратиться. То, что я тебе изложу, может показаться глупым, но для меня это очень серьезно. Это буквально вопрос жизни и смерти. Дело в том, что с некоторого времени в моем доме стали происходить непонятные, пугающие явления...»

Игорь Сергеевич писал быстро, стараясь не останавливаться. Теперь он не думал о том, что может показаться смешным,

вообще не думал о впечатлении, которое произведет его письмо. Важно было изложить, выкрикнуть эту просьбу, отправить письмо, а там — будь что будет.

Наконец он закончил послание и нажал значок «Отправить». Когда экран сообщил ему, что его мольба о помощи успешно отправлена, облегченно вздохнул, выключил компьютер и взглянул на часы. Однако уже четвертый час! Можно сказать, ночь на исходе. Вряд ли он сегодня заснет. Ну и пусть! Зато сделал сегодня важное дело. «Давно пора было это сделать», — подумал Кириллов.

Теперь он чувствовал себя значительно лучше. Однако тревога, засевшая в сердце, ставшая за последние недели уже привычной, никуда не ушла. Поэтому он не стал сразу выключать свет в кабинете. Сначала открыл дверь кабинета и выглянул на площадку. Выглянул, внимательно поглядел направо, налево. Везде пусто, спокойно. Дом спал. Не слышно было никаких непонятных потрескиваний, шорохов, чьих-то шагов. Игорь Сергеевич выключил свет, закрыл кабинет и двинулся в сторону спальни.

Какой-то свет в доме все же оставался — горела одна лампочка в холле, так что он хорошо различал лестницу, мимо которой ему предстояло пройти, а за ней — дверь спальни. Вот он достиг лестницы, по привычке глянул вниз, в холл... и застыл на месте. Там, внизу, кто-то был. Черная высокая фигура неподвижно высилась посреди холла. Фигура была закутана в одеяние, похожее на монашеское. Лица видно не было — его закрывал капюшон. У Кириллова вновь (уже в который раз за последние часы) сжалось сердце, дыхания не хватало. Он постарался набрать в грудь побольше воздуха, чтобы крикнуть, позвать на помощь... И в этот момент услышал сзади какой-то шорох. Стремительно обернулся — и различил в полумраке еще одну темную фигуру, неотличимую от той, что виднелась внизу. «Так их двое! — мелькнула мысль. — Они орудуют вдвоем! Но кто они?»

Он не успел подумать об этом. Человек в капюшоне сильно толкнул его в грудь, Кириллов пошатнулся — и покатился вниз по лестнице. Падая, он несколько раз ударился головой о сту-

пеньки. А когда достиг холла, застыл в неподвижности. Тогда фигура в черном спустилась вслед за ним. Из-под плаща вытянулась рука, пощупала пульс на шее упавшего. Видимо, результат удовлетворил неизвестного, потому что он кивнул сам себе, выпрямился, подошел к первой фигуре, так и стоявшей неподвижно посреди холла, и оба куда-то исчезли...

Глава 2

— Да, товарищ генерал, я прошу именно об отпуске, — повторил Гуров, отвечая на вопрос начальника главка. — Понимаете, Игорь обратился ко мне с личной просьбой о помощи. Так что поездку в Глухов нельзя рассматривать как командировку. Честно говоря, я вообще не думаю, что там понадобится моя помощь как оперативника. Кириллов излагает такие странные обстоятельства, что их изучение никак нельзя назвать исследованием. Скорее речь может идти о чисто психологической помощи, о дружеской поддержке.

— Да, но твой друг говорит об угрозе жизни! — напомнил Орлов. — Он пишет о вещах его детей, измазанных кровью. Мне кажется, это требует именно оперативного расследования. Какая же тут «чисто психологическая помощь»?

— Ну, я не знаю... — пожал плечами Лев. — Как же вы в таком случае, если будете выписывать мне командировочное удостоверение, сформулируете причину и цель командировки? Ведь речь идет о таких вещах, как нечистая сила, полтергейст, появление зомби... Черт знает что!

— Что ж, до сих пор мы не имели дела с такими явлениями, — согласился Орлов. — До сих пор не имели, а теперь вот будем иметь. Все когда-то происходит впервые. Но в удостоверении я зомби и чертей упоминать не буду. Напишем так: «Для расследования обстоятельств, угрожающих жизни и здоровью членов семьи И. С. Кириллова». И, если уж ты подходишь к делу с такой щепетильностью, можем вот как договориться: если там не окажется ничего серьезного и у твоего школьного приятеля просто нервы расшалились, ты эту командировку в тамошнем управлении не станешь отмечать. Тогда будем считать, что

ты съездил в кратковременный отпуск. Навестил друга, успокоил его, оказал помощь. Идет?

— Да, товарищ генерал, так будет правильно, — согласился Гуров. — Я прямо сейчас закажу билет на вечерний рейс. И поздним вечером прилечу в Глухов.

— Надеюсь, на этот раз своего друга Крячко не возьмешь с собой? — спросил Орлов. — С нечистой силой ты и один можешь справиться...

— Нет, отпрашивать у вас Крячко я не стану, — усмехнулся Лев, — справлюсь один.

Он уже поднялся, чтобы покинуть кабинет начальника Главка, когда у него зазвонил телефон. Гуров взглянул на экран — звонил как раз Кириллов. Этот звонок имел непосредственное отношение к их разговору с генералом, поэтому он решил ответить немедленно, не покидая кабинета. Однако, когда включил прием, услышал не глуховатый голос Игоря Кириллова, а незнакомый женский голос, и этот голос захлебывался от рыданий:

— Лев Иванович? Это с вами Кириллова говорит, Светлана Кириллова, жена вашего друга Игоря.

— Да, слушаю вас, Светлана. Я сегодня утром открыл почту и обнаружил письмо от Игоря. Как раз сейчас решал с руководством вопрос о поездке к вам...

— Да, я знаю, что Игорь вам писал, — сказала женщина. — Это было последнее, что он успел сказать.

— Последнее? — Лев насторожился. — Что вы хотите этим сказать?

— Мой муж умер час назад, — ответила Светлана. — Дело в том, что ночью он зачем-то вышел из спальни и упал с лестницы. При этом у него случился инфаркт, обширный инфаркт. Он пришел в себя буквально на несколько минут и успел сказать, что написал вам письмо, попросил приехать и помочь. А меня он просил вас встретить как полагается. А потом... потом его не стало... — В трубке снова послышались рыдания, которые молодая вдова уже не могла сдержать.

— Светлана, вы слышите меня? — громко произнес Лев. — Я сегодня же вылетаю к вам. Вечером буду на месте и постараюсь разобраться во всем, что у вас происходит.

После этого Гуров выключил телефон и сообщил генералу о трагедии, разыгравшейся в городе Глухове. Орлов выслушал его и покачал головой:

— Ну вот, а ты говорил «психологическая поддержка». Нет, там у них, похоже, и правда творятся серьезные дела. Так что выписывай командировку и лети. Надеюсь, сумеешь сладить с этой нечистой силой, которая там поселилась...

Когда самолет, выполнявший рейс в Глухов, набрал высоту, Гуров достал письмо, полученное от Игоря Кириллова, и принялся изучать его более внимательно, чем в первый раз. И чем дальше он читал послание своего школьного друга, тем сильнее хмурился. Сейчас, при внимательном изучении, письмо производило еще более нелепое, даже дикое впечатление, чем когда он прочел его впервые.

Ну, в самом деле, что это такое? Если верить Игорю, у него в доме в течение последнего месяца регулярно наблюдаются следующие явления. Со стен без всяких видимых причин вдруг падают висящие там картины, а из шкафов вываливается и бьется посуда, лопаются оконные стекла. Запертые на ночь двери оказываются открытыми, а открытые, наоборот, — закрытыми. В разных частях дома обнаруживают части одежды, запачканные кровью. Ночью кто-то ходит по дому — Игорь уверяет в письме, что не раз и не два слышал чьи-то шаги. На стенах или на листах бумаги появляются надписи, сделанные то ли красной тушью, то ли опять же кровью. И так далее и тому подобное.

Все это выглядело как сюжет какого-то старого «ужастика» и не вызывало ничего, кроме скуки. Да, до сегодняшней ночи это могло бы вызвать только скуку, а по отношению к испуганному этими явлениями владельцу дома — жалость. Но сегодня ночью произошло событие, придавшее всей этой чепухе новый, зловещий смысл. В дом пришла смерть. И теперь ко всем этим шорохам, скрипам и открывающимся дверям следовало относиться со всей серьезностью.

«Правда, Игорь погиб не от шорохов и не от кровавых надписей, а оттого, что упал с лестницы, — размышлял Гуров. — То есть причина смерти вполне материальная. Но что заставило

его ночью выйти из спальни и отправиться к лестнице? Жена об этом ничего не сказала. Надо будет обязательно спросить ее, не была ли вызвана ночная прогулка мужа обычным простатитом, необходимостью посетить туалет. Надо узнать, где он находится в доме. Надо также поговорить с лечащим врачом, выяснить, как у Игоря было с сердцем. А еще изучить его завешание, узнать, кому достанется имущество покойного и как велико это имущество. Да, первым делом, как всегда, нужно собрать информацию...»

В Глухов самолет прилетал в полночь по местному времени, на час опережавшее московское. Гуров не знал, где находится дом умершего Игоря Кириллова, как он будет туда добираться, но не слишком беспокоился обо всем этом — был уверен, что все каким-то образом образуется.

Так и случилось. Едва он вместе с группой пассажиров вошел в здание аэропорта, как увидел парня, державшего в руках табличку с надписью «Жду Л. Гурова». Когда Лев подошел к ожидавшему, тот спросил:

— Значит, это вы — Гуров? А я — Юрий, водителем у Кириллова работаю. Меня Светлана Павловна просила вас встретить и довезти.

— Что ж, поедем, раз Светлана Павловна тебя просила, — кивнул Лев. — Нет, сумку мою брать не надо, я свои вещи сам привык носить.

Они вышли из здания аэропорта и направились к машине. Уже усевшись на сиденье, Гуров спросил:

— А что, до дома Кирилловых просто на общественном транспорте добраться нельзя? Обязательно надо было тебя посылать?

— На общественном, говорите? — усмехнулся в ответ водитель. — Нет, это вряд ли. Ведь дом Кирилловых за городом расположен, примерно в километре от последних домов. Там лес кругом, какой же тут общественный транспорт? Туда не каждый таксист дорогу знает. Тем более в такое время, за полночь, таксисты такую цену заломят — ого-го! А вы про беду-то нашу слышали? Про Игоря Сергеича? Все-таки доконал его этот проклятый дом.